Нерасторжимая графическая связь текста и изображения характерна для гравюр первой редакции Ш, О₁ и С. Текст повторяет движение процессии, занимая места по верхнему краю листа и свободное пространство между фигурами. В других ранних гравюрах на дереве, например в «Библии» Кореня, текст также включается в композицию листа, но, пожалуй, нигде он не играет такой значительной роли.

В гравюре O₂ текст забивает изображение. Позднее он, как уже упоминалось, спущен вниз, превратившись в пояснение, и на изображении около мышей поставлены номера.

Стилистические особенности гравюр позволяют сблизить ранпие варианты первой редакции III и O₁ с гравюрами конца XVII в. Однако эта датировка нуждается в подтверждении.

Лингвистический анализ текстов гравюр, проведенный доктором филологических наук Л. Л. Кутиной, 35 показывает, что

35 Ниже приводятся заметки Л. Л. Кутиной, которой я приношу глу-

бокую благодарность за отзывчивость и помощь в моей работе.

Язык текстовок к гравюрам «Мыши кота на погост волокут» — русское просторечие (народно-разговорный язык) в его старомосковском варианте XVI—XVIII вв. с элементами (словами и формами) церковнославянского языка. Просторечие — в своих фонетических и морфологических характеристиках — отличается большой стабильностью и в течение названного времени (XVI—XVIII вв.) существенных изменений не претерпевает: эти изменения связаны с формированием в России разговорного языка на основе нового национального литературного языка (конец XVIII в.)

Наиболее подвижен лексический состав просторечия. И в этом отношении важно отметить, что в текстовках гравюр первой редакции (Ш, O_1 , C) полностью отсутствуют черты, привнесенные в лексику петровским временем и достаточно широко отраженные низовой демократической литературой петровской поры (ср. демократическую повесть, драму и т. п.).

Шрифт текстовок — разновидность кирилловского полуустава с элементами скорописи (3, m). В вариантах Ш, O_1 — отсутствует і (десятиричное) и й, нет \dot{b} (на передишке, едит, песни); в С появляется уставная омега (ω ни) и \ddot{i} (в нетипичном положении: татарско \ddot{i}), диграф шч (шьч) на месте ш (пишчит), беспорядочное употребление \dot{b} (в функции слогоотделяющего знака: макаренъки, безграматънай, слатъко, гонъцом и под.). Т. е. из ранних гравюр варианты O_1 и Ш графически (и орфографически) ближе друг к другу, чем к варианту С.

Графический характер текстовок существенно меняется в гравюрах на меди (видоизмененный полуустав с элементами гражданской азбуки).

Письмо во всех гравюрах (ранних и поздних) по преимуществу морфологическое, но с достаточно частыми отступлениями к фонетическому, отражающему много черт живого разговорного языка Москвы (средневеликорусские переходные говоры): а) неразличение ѣ и е под ударением (песьни, едит); б) аканье (вокализм по южному типу: в заударном положении е→ь, и; о, а→ъ, а: едит, зяблива, веселай, безграматнай, мышонаю и т. п.); в) еканье — смешение безударных е и я после мягких согласных (в Резани). Последняя черта, фиксируемая в языке с конца XVII в., широко представлена и в редакции О₂ (шебаш, трепица, взела), и в текстовках гравюр на меди (свезав и под.). Но случаи иканья (смешение е, э, и в безударном положении) отмечаются только в развернутых текстовках гравюр на меди: кушинья, жариной, наваревает, чисному: в О₂ — единичный случай: в пресятку. Эта языковая черта московского наречия имеет позднее происхождение (конец XVIII—начало XIX в.), что служит одним из доказательств того, что язык текстовок первой и второй редакции относится к различным хронологическим этапам.